

«Мне кажется, что наша культурная энергия удивительно и уникальна, она одинока, изолирована от мира, и непонятно, почему возникла и существует в России».

На экраны Москвы и Петербурга выходит фильм

АЛЕКСАНДРА СОКУРОВА

«Русский ковчег» (картина о русской истории, снятая одним планом в Эрмитаже), уже собравший миллион долларов в Америке.

«НЕЛЬЗЯ СЕБЯ НИ С ЧЕМ ДЕЛИТЬ...»

Моск. новости - 2003 - 7 апр - с. 19

что за этим последует. Для меня пауза, конечно, имеет огромное драматургическое значение. Если пытаться представить кинематографический алфавит, то пауза – это первая буква. С этим открытием мы немного опоздали, так как испытать тишину и паузу, прочувствовать ее, познать и понять может только зритель, не испорченный современной кинематографической практикой, не испорченный неадекватным монтажом и современной деструктивной музыкой. Но это чистый кинематограф, на мой взгляд. Вообще визуальность – это огромная сложная наука, сложнее математики, но мы к ней не относимся как к науке, экспериментируем с ней и необратимо разрушаем человека и мир. Существует колоссальная энергия визуальности, которая может уничтожить нацию любого масштаба, народ любой численности и самую прочную, самую древнюю, самую фундаментальную культуру.

– То есть разговоры о том, что криминал, жестокость, насилие на экране – это не страшно, это игра такая, и это никак не влияет на жизнь, безответственны?

– Это преступление конкретных людей, работающих на конкретных телевизионных каналах, и мы все прекрасно знаем их имена, и руководство страны знает их имена, и руководитель страны знает, что творит телевидение, подвластное ему, в том числе и государственное, и все общество знает. И вот здесь я отказываюсь понимать, что происходит в России. Я в такой стране жить не хочу. Ограничения, которые нужно применить к телевидению, приняты во многих цивилизованных странах, но только не в России. Но в России это тем более опасно – уровень социальный и культурный низок, а криминальность природы народа высока. Здесь ни в коем случае нельзя экспериментировать с криминальным сюжетом на экране. Он все время держит внутреннюю агрессию в состоянии температуры кипения. Телевидение поддерживает криминальность общественную глубоко изнутри, и как бы хорошо ни действовало любое министерство внутренних дел, любые сыщики, каждый вечер все усиливается, переcheckиваются тем, что мы видим.

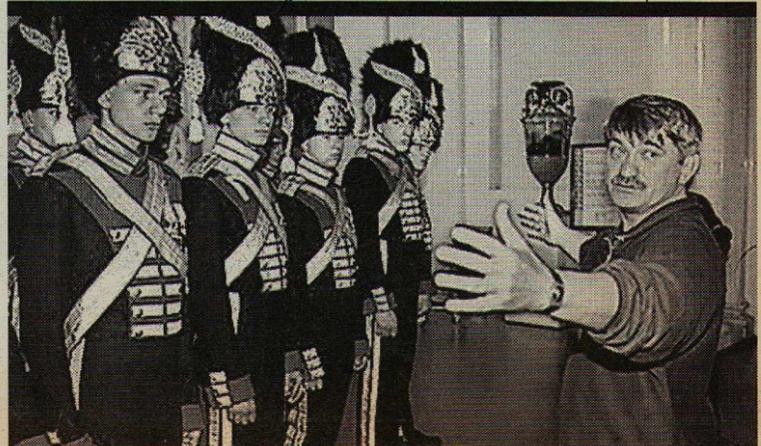
– У вас, видимо, как у многих русских художников, драматические отношения с родиной?

– Государство-то у нас еще подростковое, оно еще себя цивилизованно не проявило, в нормальном созидательном смысле его еще и нет. Надо прожить без войн лет сорок, проложить дороги, сделать так, чтобы люди не беспокоились о том, что такое зима, создать системы самоуправления, и не заемные, и не ископаемые, а органичные. Ведь мы сейчас сами себя не знаем и не понимаем, кто мы. Иногда кажется – все, терпение лопнуло, надо звать варягов каких-нибудь, создавать тут уклад жизни, обучать русских любить быт, семью, делать окна хорошие и двери, понимаете, жизнь любить и ухаживать за ней. Но кого звать-то? Понимаете, впечатление о твоей родине

и твой труд – разные вещи, и они могут и не соприкасаться. Можно создавать произведения на русском языке и существовать среди русского народа в русском государстве, но своей душой, измученной, большой душой, быть совсем не здесь. Мне бывало иногда по-настоящему стыдно, что я русский. Но труд, который создал русский язык и русскую культуру, я ценю очень высоко, и мне кажется, что наша культурная энергия удивительно и уникальна, она одинока, изолирована от мира, и непонятно, почему возникла и существует в России, как непонятно, почему возник Эрмитаж в нищей стране и не был разграблен в блокаду.

– Здоровья вам от природы не досталось, а работаете вы непрерывно. Откуда силы-то?

– Сам не знаю. Если бы когда-нибудь кто-нибудь мог мне объяснить несколько десятилетий назад, куда я иду и что меня ожидает, я никогда бы не пошел. Но таких людей не было, наоборот, говорили: «Давай, давай!» – и помогли лезть по этой лесенке туда – и никто не говорил, что там, во-первых, ничего нет, во-вторых, никого нет и, в-третьих, ничего там не дают... Условия таковы, что, если во время работы над одной картиной я не начинаю работать над другой, картины не будет. Поэтому сейчас, во время озвучивания фильма «Отец и сын», мы уже отбираем актеров на «Солнце» («Солнце» задумывается как история о японском императоре Хирохито, это третья часть тетралогии о

Съемки «Русского ковчег»

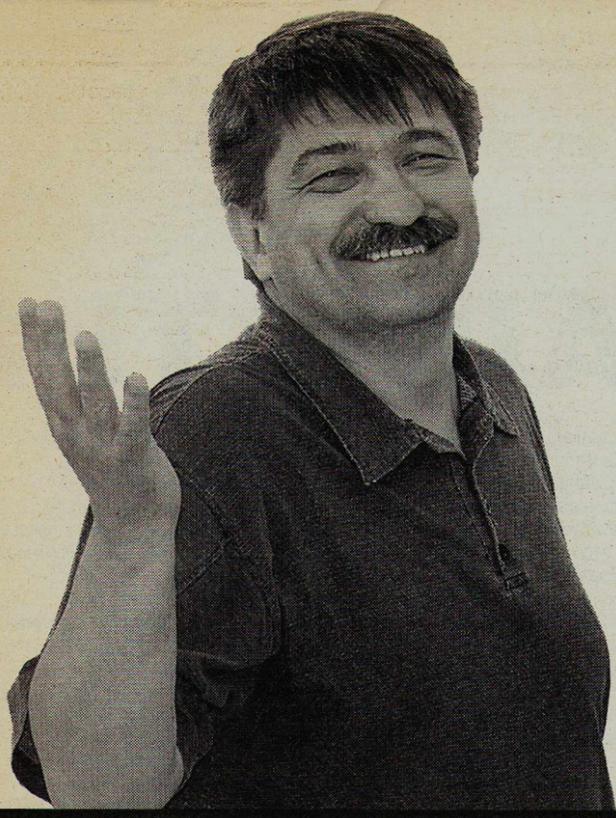

Мария Кузнецова (Крупская) и Леонид Мозговой (Ленин) в фильме «Телец»

вождях XX века, начатая картинами «Молох» и «Телец». – Т.М.), выйдет на какой-то этап «Солнце» – надо будет начинать работу или по «Фаусту», или по замыслу под условным названием «Два брата и сестра». А работает нас немного, и денег нам на блюдечке никто не приносит, так что все иной раз на каторгу похоже. Я не знаю выхода из этого положения. Но ведь все это по любви делается, никто не принуждает, и в этом смысле я счастливый человек, и вся наша съемочная группа – счастливые люди, мы за свою жизнь не сделали ни одного фильма по принуждению или заказу, а делали только то, что любили и хотели сделать. Что-то получилось, что-то нет – мы же не боги.

– «Русский ковчег» с успехом идет в Америке, собрал миллион долларов. Вам от этого будет какая-нибудь польза?

– Миллион триста тысяч, точнее. Все деньги получают владельцы мировых прав на прокат картины, режиссеру ничего не достается. Я приятно удивлен. Картина идет в самых обыкновенных кинотеатрах. Не знаю, в чем дело, надо американцев спросить. Может, их самих тошнит от трупного запаха, который издает их домашний визуальный товар? Правда, американские прокатчики очень хорошо готовили картину к показу. Что касается России, то «Русский ковчег» не взял для проката ни один кинотеатр – кроме двух залов в Москве и Петербурге. Россия для русского кино – мертвая страна.

Александр СОКУРОВ сегодня – самый известный в мире русский режиссер. В июне ему исполнится 52 года. Снято более сорока игровых и неигровых картин, получены национальные и международные премии. В конкурсе Каннского фестиваля побывали его фильмы «Молох», «Телец» и «Русский ковчег». Иноземцы покупают замыслы Сокурова прямо на корню, хорошо соображая, что ничего подобного на свете нет. Беседу с режиссером ведет Татьяна МОСКВИНА.

– Известно ваше мнение о том, что кино как искусство осуществилось всего, может быть, процента на два. Что же такого еще неведомого может кино?

– Пока что сохраняется абсолютная вторичность кинематографа, поскольку режиссер создает свое произведение из осколков разнообразных искусств и очень зависим от этого. Это проблема – насколько визуальность свободна как искусство, равно как и то, нужно ли давать визуальности эту свободу, к которой она так рвется. Опыт и практика показывают, что на самом деле не надо, рано еще. Та власть, которую нынче кинематограф приобретает над читающим человеком, конечно, власть отвратительная, губительная власть. Мне кажется, в кино есть одна только фигура, которая существует как очень основательно и в достаточной степени независима – это Ингмар Бергман. Все остальные кинематографисты, на мой взгляд, вторичны и имеют малое отношение собственно к искусству. Я имею в виду и образ жизни, и путь, и количество труда, и вопросы взаимоотношения с религией, и смелость эстетики, и представление о психофизике человека. Показательна универсальность Бергмана – он и литератор, он и театральный, и оперный режиссер. Без этого комплекса Леонардо да Винчи кино как искусство невозможно, так мне кажется, а это ставит очень большие требования к снимающему человеку, трудно этому соответствовать.

– Пригодилось ли вам полученное в Горьковском университете историческое образование?

– Когда я поступал в университет, как раз ввели войска в Чехословакию, я сдавал последний экзамен – историю, и мои преподаватели сидели и слушали маленький транзистор, а я даже и не понимал, что происходит. Потом стало совершенно очевидно, что поступление на исторический факультет было все же ошибкой и надо было заниматься филологией, литературой, но я это понял очень поздно. Конечно, серьезно заниматься режиссурой невозможно без общегуманитарной подготовки. История не стала моей профессией, но само образование позволило ориентироваться в окружающем хаосе. Нет робости перед масштабом исторического события и перед историческими персонажами, никакой нет робости перед властью, потому что прекрасно понимаешь, как одно сменяет другое, понимаешь цикличность и замкнутость всего процесса. Понимаешь, что такое историческое убийство, что такое деградация народа и личности, что такое демагогия, и тебя вот просто так не обмануть.

– Вы были в молодости увлечены идеями социализма?

– Мне кажется, что и наше обще-

ство, и наш народ виноваты в том, что так называемая социалистическая практика – не теория, а практика дискредитирована отвратительным трудом и ужасающими преступлениями и нашей власти, и нашего народа. Теперь в мире существует только одна система жизни людей, одна система организации общества – и что в этом хорошего? Что-то в социализме органично укладывалось на русскую общественную традицию, это не длилось бы так долго, если бы не имело хоть какого-то соответствия в национальном характере. Возможно, беда заключалась в том, что люди, которые пришли после революции к политической власти, были дегуманизированными людьми, разрушителями, вот они и разрушали. Они эту разрушительную энергию и в народе очень выделили, почувствовали ее, и ставили на нее, и выиграли в этом, к сожалению. В молодости у меня было какое-то доверие к социалистическому пути, мне казалось, что если внутри той политической системы проявить настойчивое сопротивление, то что-то можно доказать, что-то можно исправить. Одновременно с тем существует понимание, что когда-то мы, в том числе и я, предали многих из тех, кто имел мужество бороться против несправедливости. Когда я учился в университете, как раз происходила вся эта борьба Солженицына с государством, и я ведь не сел в поезд, не поехал в Москву, не стал протестовать. Я был тогда еще маленьким человеком, очень не выросшим. У меня не было внутри силы для этого, моей собственной силы.

– В начале 80-х годов вы пришли на «Ленфильм» и с тех пор работаете на этой студии. Что значило это время для вас и для «Ленфильма»?

– Прекрасное время, потому что наконец-то стало понятно, что выживает только работающий человек, и это первое. Второе: практически доказано – нужно только то, что нужно тебе, и объективно это важно. Третье – никогда ничего не нужно бояться, а четвертое – надо любить и быть преданным кругу друзей своих и никогда их не оставлять, пятое – надо серьезно заниматься технологией, надо ничего не бояться в технологии. Шестое – надо заниматься своим образованием. И последнее – нельзя менять образ жизни, и для мужчины, по-моему, это очень важно – нельзя себя ни с чем делить, когда у тебя есть какое-то попадание твое собственное в твою собственную жизнь, в твою собственную судьбу, к сожалению, нельзя себя ни с чем делить. Может быть, это мое личное собственное заблуждение. Вот основные правила, которые я извлек из этого времени. Я рад, что студия жива, мне не стыдно, что я в штате этой студии, может, если бы я был в штате «Мосфильма», мне иногда было бы стыдно, а за «Ленфильм» мне стыдиться нечего. И за нашу группу мне стыдиться нечего: мы не совершили ни одного предательского шага, и ни одной картины, которую мы сделали, мы не предали искусству.

– В современной жизни, как и в искусстве, много агрессии, люди разучиваются ловить слабые сигналы, тихие звуки. Вы в своих картинах ловите тишину, держите паузу – это важно для вас?

– В молчании – буря на самом деле. Когда человек замолкает, неизвестно,

СОБЕСЕДНИК

Сокуров
Александр Сокуров

Александр Беленький

7.04.03.